

ренком ложки. Музыкой это назвать можно с большой натяжкой, но веселья от того не меньше.

Теперь, усевшись на тюке с ветошью, я придумал другую забаву. Спрашиваю:

– А знаешь ли, Маша, кто такие рыцари?

Сестра оживилась и с охотой поделилась тем, что ей было известно по теме, очевидно, из мультиков по Первому каналу. Не во всём я мог с ней согласиться, особенно относительно роли дамы. Но кое в чём мы сошлись. Во-первых, рыцари носят доспехи, во-вторых, они имеют здоровенные мечи или копыя, и в-третьих, что самое важное, они сражаются друг с другом на поединках.

Доспехи соорудить оказалось не так-то просто. Оно и понятно! Раньше этим всем отдельные люди занимались. В итоге решили защитить свои тела подушками, подвязав их на животе бесконечным шпагатом, а на головы намотать тюрбаны из старой одежды – чем не шлем? Машка откопала где-то дедову лыжную шапку и с трудом натянула поверх свернутой комом на макушке бабиной дырявой сорочки. Для верности, чтобы надёжнее закрепить подушки и усилить броню, не без усилий и смекалки смогли-таки скинуть с высокого крючка зимовавшие в чулане ватные бушлаты. В полном снаряжении Машка выглядела уморительно смешно: Филиппок с огромным брюхом. Ей-то куртка, которая взрослому по пояс, почти до самых пят! Рукава длиннющие, их можно даже как самостоятельное оружие использовать. Но правила есть правила. В качестве мечей были избраны палочка, похожая на часть детской кроватки, и кусок проволоки, не очень гибкий и не слишком жёсткий, в самый раз.

Поклонившись друг другу, как волк и заяц в серии про музей, начали отчаянно сражаться. В тесном чуланчике особо не развернуться, а боевой пыл окончательно стёр остатки страха перед наказанием за без спроса взятые вещи. Общим голосованием было принято решение перенести турнир в большую комнату.

Запинаясь о полы бушлата, Машка кое-как добралась до назначенного места и заняла боевую позицию. Схватка началась с новой силой и новым азартом. Палочкой по защищённому телу не больно совсем, хочешь – бей, хочешь – тычь в упругий подушечный живот. Чудом не снесли с верхушки серванта громоздкую хрустальную вазу.

Не знаю, почему так всегда происходит. Со мной уже не раз случалось, что в самый интересный момент игры, когда только-только начинаешь вживаться в выбранную роль, появляются взрослые. Очередным подтверждением этой печальной закономерности оказалась бабуля, возникшая в проеме двери и всем своим молчаливым видом выражавшая полное непонимание происходящего. Мечи были спрятаны под край ковра при первом звуке шагов, но снять амуницию нам времени не хватило. Так и застыли вдвоём, предвкушая скорую кару.

Потоптавшись на пороге, бабуля таки решилась задать ключевой вопрос:

– Это чего вы тут учинили?

Машка не растерялась. Сам удивляюсь, как это ей удаётся так ловко придумывать отговорки. И глаза она при этом делает, что на такого ангела и голос-то повышать никто не решается. Задра-

ла вверх свою маленькую головку, убрала за спину длиннющие рукава и тихонечко – само смирение – как выдаст:

– Да мы что-то озябли, бабуленька. – А у самой из-под синей шапочки с белой полосой волосики торчат, все от пота мокрые.

– Озябли? На улице почти тридцать градусов тепла! А ну быстро в чулан все отнесли, положили, где взяли! Скажу деду, чтобы замок на дверь повесил. А то повадились рядиться! На поминки идёте или нет?

В горнице тёти Галиного дома народа столько, что бедную Машу чуть не затолкали. Хорошо, бабушка спохватилась, провела её за плечики к лавке у составленных друг с другом столов разной высоты. Утром ещё видел, как утварь со всей деревни сносили на двор. У самой-то покойницы – шепчутся женщины у окошка – на кухне три плоски да две ложки.

Странное дело, я здесь никогда ещё не бывал. У нас в гости ходить с детьми как-то не принято, к родственникам только. Когда надо было ещё сидеть со мной, бабушка звала тётку к нам в дом или оставляла гулять под её присмотром, если недалеко уходила. Сложно за телами траурно разодетых гостей разглядеть комнату. Так, если мельком, обычный деревенский дом, не такой только чистый, как у нас, и ковров нет, хотя, может, специально убрали. В углу трельяж, занавешенный желтоватой шершавой простыней, иконки, старая лампадка.

Увидел в толпе Ромку, замахал ему, но взрослые сами решили, кто куда сядет. Так и остались: он с мамой в глубине, я с сестрой и дедом на другом конце, у входа почти. Бабушка не садилась пока, помогала накладывать и разносить угощение.

Начали с кутьи. В некоторых домах, как объяснила бабушка, первыми подают блины, что мне очень нравится. К блинчикам иногда и варенье прилагается, гущёнка со сметаной. Но у нас чаще всего блинов на поминки не пекут вовсе. Кутья, конечно, тоже сладкая. Но её как наложат в большое блюдо, только успевай попросить. Все равно каждому достаётся по ложке-две, не больше. Потом суп. Тут всё было в лучшем виде. Не рыбный даже, а куриный бульон с овощами. Предложили майонезу – не отказался. С чёрным хлебом – ум отъешь. Быстрее всех управился, пришлось, пока остальные доедают, расправиться с куском селедки. Так заскучал, что раньше времени потянулся к золотистой плюшке на вершине стакана с компотом, за что немедленно получил по рукам.

На второе принесли картошку с подливой. Как же здорово, что не гречу, терпеть её не могу. Доел и почти сразу же получил от бабушки вторую порцию. Машка не отстаёт, косится на мою тарелку и, как на соревновании, скорее-скорее старается свою опустошить. Видно, что сыта, не лезет в нее, но, когда предложили добавки, кивнула, до самой груди опустив чумазый подбородок.

Взрослые открыли третью бутылку водки, привезенной по случаю Галиной дочкой, такой же широкой и неповоротливой, в мать. Разливают по разномасным стопкам, не чокаясь опрокидывают. В разговорах все меньше обращаются к умершей тётке и все больше к себе. У соседа Генки вечно беспо-

ойные глаза посветлели, сидит, рассказывает случайно оказавшейся рядом гурьяновской невестке про своих пчёл. Деда тайком от бабушки подливает себе, прячет рюмку в ладони на весу, выпивает не со всеми, а только когда чёрная юбка жены надёжно скрывается за печью.

После двух порций второго я почувствовал себя достаточно сытым, но не оставлять же булочку. С молчаливого разрешения бабули, присевшей наконец на самом углу, приступили к лакомству. Компот из кураги не лучшее, конечно, из того, что можно было ожидать, киселя бы. Но после солёной подливы хочется пить, да и булочка сама по себе прекрасна. Не без усилий, честно говоря, но справился. Даже разбухшие на дне стакана сухофрукты выловил. Незнакомый мужичок начал что-то подвывать себе под нос. Бабушка шепнула деду на ухо, тот поднялся с сожалением о так и недопитой рюмке, толкнул меня в плечо и взял за руку Машку.

Из пропаренной человеческим дыханием и горячей едой избы вывалились на темный двор, а с него — на ослеплённую солнцем улицу. Ноги еле шевелятся, к животу будто до сих пор привязаны набитые влажным пером подушки. Машка кричит, переваливается, как откормленная на убой утка. Кое-как добрела до забора, опёрлась на крашенные в зелёный цвет доски одной ручонкой, дышит тяжело. Ничего сказать не успела, хотя собиралась, кажется, её прямо там на месте и вывернуло. Деда схватился за голову: метнулся было за бабуш-

кой, но Машка, придя понемногу в себя, попросила воды. Пока деда ходил за стаканом, искал банку с просто кипячёной, а не святой водой, пока обувался в прихожей, путая правую туфлю с левой, мы с Машкой успели уже дойти до бочки. Я как смог вымыл ей лицо, вытер своей же городской футболкой, рассмешил какой-то пришедшей на ум глупостью. Вернувшемуся дедушке оставалось только сплюнуть в сердцах в кусты, поняв, что раздобытая невероятными усилиями вода теперь никому не нужна.

Дома Машка уснула, едва коснувшись подушки щекой, засопела, то и дело подергивая ногами. Деда заглянул к нам в комнату, покивал растерянно и ушел огородничать.

А я растекся в кресле и все думал о том, как сытно, должно быть, отужинает сегодня там, на небе, старая Галя. Мы же молодцы, постарались на поминках. Странно, что её теперь называют усохшей. Вряд ли она успела сильно измениться за три дня. И как тут усохнешь, если в честь тебя накрывают такой щедрый стол и столько гостей приходит в твой дом. Но, с другой стороны, поминки устраивают не особенно часто. Следующие будут на девять дней, потом на сорок, а дальше только на годину. Потом все реже и реже. После пяти лет, а то и после трех, вовсе перестают устраивать поминальные обеды. И я твердо решил: с этого дня каждый раз, садясь за стол, буду съедать немного за старую Галю, хотя бы ложечку, чтобы она там совсем уж не усохла.

